

ГЛАВНЫЕ МЕДИКИ СТАРОЙ ГАТЧИНЫ 1792 – 1918

В Гатчине, на проспекте 25 Октября, в глубине старого сада, в окружении других старинных построек стоит одно из красивейших зданий города. Теперь в нём размещается Городская администрация. А с 1792 и до конца 1970-х, это здание было медицинским центром, вокруг которого сформировался целый городок (околоток), называемый Госпитальным.

В старой Гатчине в величественном главном здании находились лечебные помещения и церковь Госпиталя Дворцового ведомства, называемого также Гатчинским городовым госпиталем. Учреждение и его немалое хозяйство требовали постоянного внимания и руководства. Главным звеном, вершиной этого руководства были старшие врачи Госпиталя.

Требования к назначению на должность старшего врача Госпиталя были очень большие. До 1880-х годов для кандидата на эту должность требовалось иметь звание штаб-лекаря. А с конца 1880-х годов уже требовалось обязательное наличие учёной степени доктора медицины.

Любой врач, в силу своей профессии, должен обладать разнообразными знаниями. Кроме анатомии и сведений о болезнях и способах их лечения, врачу необходимы знания по биологии, зоологии, ботанике, фармации, минералогии, химии. Не забудем об обязательном владении латинским языком. А знания и умения штаб-лекарей и докторов медицины были ещё обширнее.

Их было 16, старших врачей Госпиталя. 8 из них были штаб-лекарями, 8 – докторами медицины. Русские, немцы, поляк, датчанин, швед, малоросс. Среди старших врачей Госпиталя мы найдём тех, кто, помимо врачебной деятельности, занимался: философией, богословием, лингвистикой, этнографией, химией; прославился участием в дальних экспедициях и военных сражениях. Но были среди них и те, кто не занимался наукой, не совершал открытий, не воевал, но своим многолетним самоотверженным трудом на медицинском поприще снискал всеобщее уважение.

В серии очерков будет в хронологическом порядке рассказано обо всех старших врачах Гатчинского городского госпиталя Дворцового ведомства.

1792 – февраль 1796

Первый старший врач Госпиталя

**ИОГАНН ХРИСТИАН (ИВАН МАТВЕЕВИЧ) ФОН ДАЛЬ
(1764 – 1821)**

Во второй половине 1780-х годов, будучи ещё только Наследником Цесаревичем, Великий Князь Павел Петрович начал обустривать Гатчину на свой лад. Прокладывались новые улицы, строились дома, формировалось войско. Но на всю Гатчину и её ближайшие окрестности не было ни одного лечебного заведения. Не считать же таковым богадельню, основанную ещё в 1701 году по Указу Петра Великого? Хоть и была она первой в России государственной богадельней, но вмещала всего с десяток престарелых, да и медиков при ней не было. Ближайший и единственный врач находился в уездном городе Рождествене и наезжал в Гатчину редко. Лейб-медики при Великом Князе, Шулинус, Блок и Фридерик Аламан, тоже не имели времени для лечения местных жителей. Только лейб-медик Иван Яковлевич Грив, живший в Гатчине с 1783 года, и лейб-медик Иван Фёдорович (Иоганн-Готлиб) Фрейганг, прибывший сюда в январе 1792 года, сверх своих прямых обязанностей лечили обывателей и пользовались всеобщим уважением.

Решил тогда владелец Гатчины назначить специального врача для Гатчинской волости, чтобы лечил здесь жителей и крестьян. Тут и хороший доктор подвернулся, да не случайный человек, а в служении царской семье известный – сын офицера датской королевской армии Иоганн Христиан фон Даль, коего по-русски величали просто Иваном Матвеевичем.

Даль родился в 1864 году. Обладая феноменальной памятью и работоспособностью, Иоганн рано окончил школу и поехал учиться в Германию, где в университете Иены в возрасте 19-ти лет уже получил аттестаты об окончании богословского и философского факультетов, да к тому же овладел немецким, английским, французским, греческим и древнееврейским языками, латынью, прекрасно говорил по-русски. Неплохо рисовал, разбирался в истории, литературе, астрономии.

В Россию его пригласила Императрица Екатерина в 1783 году. Даль так ей понравился учёностью и добросовестностью, что доверила она ему работать с библиотекой, купленной у Вольтера. Однако, приехав в Россию, Даль обнаружил, что библиотеки как таковой нет, есть только собрание книг. Кроме того, назначенное ему жалованье библиотекаря не позволяло содержать семью. Недолго поработав тогда в Петербурге, Даль решил уехать за границу и стать врачом, поскольку это давало возможность и быть обеспеченным человеком, и помочь России, испытывающей тогда острую нехватку медиков. По семейному преданию, Иоганн ещё и потому собрался получить медицинское образование, что хотел угодить будущему тестю, желавшему видеть свою дочь – Машеньку (Марию Христофоровну) Фрайтаг – замужем за человеком «серьёзной» специальности, и составить ей тем самым «достойную партию».

Даль уехал из России в Германию, где в течение нескольких лет обучался врачебному искусству в университетах Иены и Эрлангена, получив там не только звание лекаря, но и степень доктора медицины. Через несколько лет он вновь приехал в Россию и сдал надлежащий экзамен при Медицинской коллегии на право врачебной практики, получив лицензию, где записано: «Иван Матвеев сын Даль 1792 года марта 8 числа удостоен при экзамене в Российской империи медицинскую практику управлять». А в ноябре того же года Даль прибыл в Гатчину, чтобы пользоваться жителей и крестьян Гатчинской Наследника Цесаревича волости. Вскоре пришлось ему взять на себя также и лечение офицеров Гатчинских войск.

Время проходило в постоянных разъездах по окрестным деревням, в оказании помощи заболевшим. Одно хорошо: в поездках можно было наблюдать чужую жизнь, знакомиться с интересными людьми. Не здесь ли зародилась у Даля мысль остаться в России и навсегда связать свою судьбу с этой огромной и благодатной державой?

А у владельца Гатчины, Павла Петровича, ещё в начале 1792 года появились планы постройки госпиталя. Вскоре начались подготовительные работы, а для руководства создающимся госпитальным хозяйством было организовано госпитальное правление.

Весной 1793 года жители Гатчины наблюдали за стройкой, развернувшейся на Большом проспекте. Сюда непрестанно тянулись возы с тесом, песком, глиной и пудожским камнем: по велению Павла Петровича возводился госпиталь. Всем строительством ведал охтинский житель Федот Фёдорович Окорчев, а помогали ему купцы Дехтерев и Уханов, лепной мастер Квадре и советник Фок.

Уже в июне доктору Далю было поручено подобрать медицинский персонал для нового госпиталя. Госпиталь продолжал строиться, уже шла отделка некоторых помещений, завершалось убранство церкви, закладывался огород для выращивания лекарственных растений. А в новое медицинское учреждение начали уже поступать для лечения первые пациенты, их надо было пользоваться. И везде успевал Иоганн Даль.

К февралю 1794 года здание Госпиталя было в основном закончено. В ясный морозный день доктор Даль и управляющий, барон фон Борк, полюбовались с проспекта внушительным двухэтажным зданием, нижний этаж коего был каменным; затем прошли внутрь и осмотрели просторные помещения палат, специальное отделение для заразных больных, достраиваемую церковь.

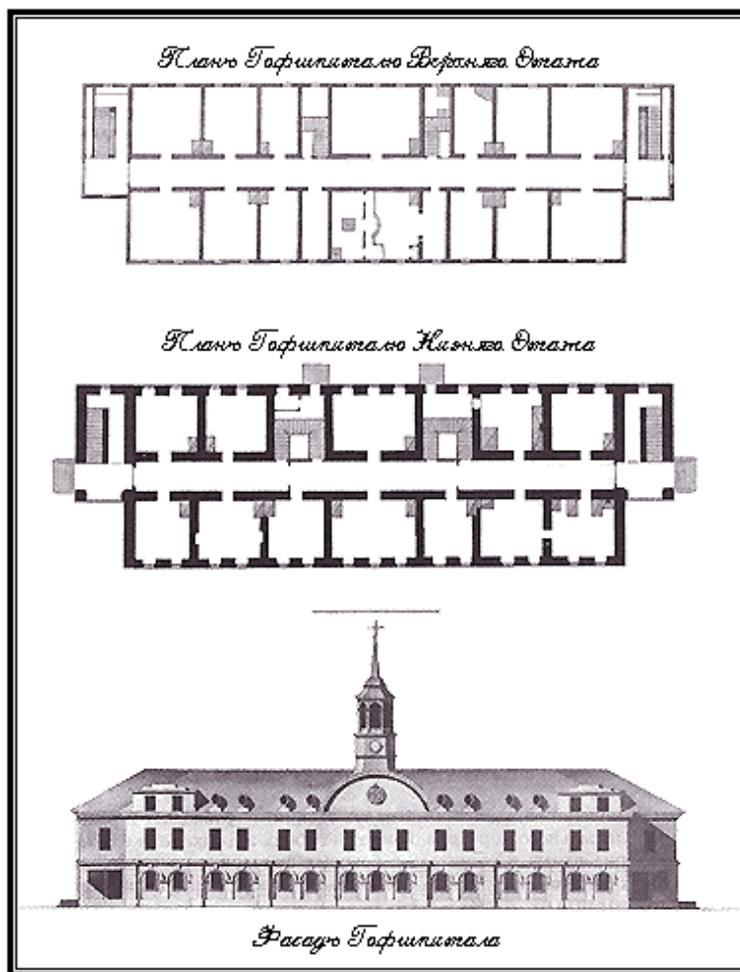
В аптеке их встречал аптекарь Карл Еренрайх. Даль вспомнил, что придворный аптекарь Ганнеман хорошо отзывался об этом человеке. Далю подумалось ещё, что 25 кроватей нового Госпиталя позволят обеспечить полноценное лечение не только военных, но и жителей Гатчины и божедомов из богадельни.

25 марта протоиерей Исидор Петров Гатчинский освятил госпитальную во имя Святого Николая Чудотворца церковь.

В Госпиталь для лечения с каждым днём поступало всё больше нижних чинов Гатчинских войск. Срочно нужны были новые фельдшера. Госпиталь, по сути, не являясь военным учреждением, на деле был местом военной службы для фельдшеров. Поэтому находились они здесь на казарменном положении, носили военную форму и подчинялись строгим правилам воинского Устава.

Работы по завершению строительства Госпиталя затянулись до конца 1795 года. Зато здание удалось на славу! Двухэтажное строение, низ которого был из тесаной плиты, имело двускатную крышу с колокольней, шпилем, часами, шаром и крестом. Вдоль каждого этажа

простирался длинный коридор с комнатами по обе стороны. Тепло давали 2 русские печи и 12 кафельных голландских. В центре площади перед Госпиталем устроен колодец из пудожского камня.

План Госпиталя

Штаб-лекарь Даль по-прежнему утопал в заботах о Госпитале. В трудах проходили недели, месяцы. Доктору Далю нравилось здесь, он уже прижился в Гатчине. Но что-то не сложилось в отношениях Даля и Павла Петровича, а, возможно, ещё кого-то из ближайшего окружения Великого Князя. Об этом мы никогда не узнаем. Как позднее напишет об Иоганне сын его, врач, писатель и автор «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимир Иванович Даль, отец: «Был строг, но очень умён и справедлив и, в самом строгом смысле, честный человек... Отец мой служил в Гатчине при великом князе Павле Петровиче, оставил место по неприятностям, о коих никогда не говорил мне...».

Ходили слухи, что доктор Даль не смог больше переносить тяжелого характера Павла Петровича, хотя последний чрезвычайно ценил доктора и даже якобы предлагал ему стать своим лейб-медиком.

Вот так и получилось, что обещающий сделаться прекрасным врачом-администратором Иоганн Даль, вынужден был в феврале 1796 года уехать в провинциальный Петрозаводск, чтобы работать там простым врачом Горного ведомства.

Итак, Иоганн Даль по-существу был первым старшим врачом Госпиталя, хотя формально эту должность ввели лишь в марте 1796 года, когда Даль уже покинул Гатчину.

В 1798 году Иоганн Даль переехал из Петрозаводска в местечко Лугань (ныне город Луганск) и стал старшим врачом местного металлургического завода. На новом месте службы Даль обжился не один, а с молодой женой – Марией Христофоровной Фрайтаг. Она была дочерью петербургского немца, служащего ломбарда. Её мать, Мария Ивановна, происходила из рода французских гугенотов де Мальи. Она имела хорошее образование, владела русским,

немецким и французским языками, переводила на русский язык книги немецких литераторов. Если учесть, что и её муж, Иоганн, прекрасно владел несколькими языками, то нет ничего удивительного в любви, и даже своего рода страсти, к языкам у всего семейства Даль – Фрайтаг. И страсть эта передавалась по наследству.

14 декабря 1799 года Иоганн Даль по высочайшему повелению был приведен к присяге и стал гражданином Российской Империи. А 10 ноября 1801 года в семье Далея родился первенец, названный русским именем – Владимир.

Поскольку нам крайне мало известно о характере и привычках Иоганна Даля, можно попытаться представить их, используя в качестве примера его сына Владимира, унаследовавшего от отца многие таланты и черты характера.

Владимир Даль, по отцу – датчанин, по матери – немец и француз, но по своему образу мыслей, по вкладу в русскую культуру – великий россиянин, русский человек. Сам он сказал так: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни сама кровь не делают человека принадлежностью той или другой народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу принадлежит. Я думаю по-русски».

Замечательный патриот России, творец её словесности, духовной культуры, он был в то же время, говоря по-современному, настоящим интернационалистом и гуманистом. Какие-либо распри, раздоры между народами были противны его сердцу. Русскую землю, писал он, населяют разные народы, различные по происхождению и языку, но все они «должны стоять друг за друга, за землю, за родину свою... как односельчане».

В 1805 году отец Владимира, Иоганн Даль, получил новое назначение: должность инспектора Черноморской медицинской управы, и вместе со своим семейством переехал в город Николаев. В Николаеве дети получили первоначальное домашнее образование. В семье Далея было много книг, словарей, царило благоговейное отношение к слову. Всё это, конечно, повлияло на судьбу будущего автора знаменитого Толкового словаря.

Летом 1814 года отец отвёз 12-летнего Владимира и его младшего брата Карла в Петербург для поступления в Морской кадетский корпус, одно из лучших учебных заведений России. Дважды кадет Владимир участвовал в морских учебных походах. Особенно ему запомнился второй выход в открытое море. Это была четырёхмесячная учебная компания на бриге «Феникс», с заходами в Швецию и Данию. Хотя учился Владимир Даль успешно, но весьма тяготился обстановкой в Корпусе. Он вспоминал: «...Морской корпус (ненавистной памяти), где я замертво убил время до 1819 года...».

В этих словах Даля – воспоминания о муштре, о жестокости и самодурстве некоторых преподавателей. «В памяти остались одни розги...» (хотя его самого никогда не били). И наука там «была из рук вон плоха, хотя для виду учили всему». Может быть, с наукой там было всё-таки не так плохо: этот корпус в разные годы окончили: адмирал Ушаков; Иван Крузенштерн; Михаил Лазарев; будущие адмиралы, герои Севастополя – Корнилов, Истомина, Нахимов. Многие острова, мысы, возвышенности на планете были названы именами морских офицеров – воспитанников Корпуса. Но Владимир Даль не мог забыть унижающее достоинство битьё...

Владимир тяготился морской службой, хотя честно отработал на Черноморском флоте целых пять лет. Ходил под парусами в Измаил и Килию, в Одессу и Севастополь, в Сухум-кале. У кавказских берегов попал в десятибалльный шторм и мысленно уже прощался с жизнью, ибо в любую минуту очередная гигантская волна могла опрокинуть судно. Но судьба оказалась благосклонной к русской культуре – ураган внезапно прекратился.

В 1821 году Владимир потерял отца. Иоганн Даль умер в Николаеве, занимая в это время пост Главного доктора Черноморского флота. Он был истинным патриотом своей второй Родины, России, и не уставал повторять сыновьям: «Гордитесь, дети, что вы – русские».

1 января 1826 года Владимир Даль вышел в отставку и решил по примеру отца стать врачом. Уже 20 января он поступил в Дерптский университет, на медицинский факультет. Он учился у профессора Мойера, некоторое время жил в его доме. Дом Мойера часто посещали известные писатели, литераторы, которые приезжали в Дерпт. На вечере у Мойера Даль познакомился со знаменитым Жуковским и поэтом Языковым. Там же, в Дерпте, будучи уже студентом второго курса, он познакомился с Н.И. Пироговым, прибывшим в университет для совершенствования в хирургии. Они много времени проводили вместе в анатомическом театре и остались друзьями на всю жизнь.

В своих записках Пирогов так пишет о первой встрече с Владимиром Далем:

«Однажды, вскоре после нашего приезда в Дерпт, мы слышим у нашего окна с улицы какие-то странные, но незнакомые звуки: русская песня на каком-то инструменте. Смотрим: стоит студент в вицмундире, всунул он голову через открытое окно в комнату, держит что-то во рту и играет «Здравствуй, милая, хорошая моя», не обращая на нас, пришедших в комнату из любопытства, никакого внимания». Инструмент оказался органчик (губной), а виртуоз – В.И.Даль; он действительно отлично играл на «органчике». А завершает характеристику Владимира Даля Пирогов так: «Это был замечательный человек».

В это же самое время в Университете учились и другие будущие знаменитости российской медицины: терапевты Иноземцев и Сокольский, физиологи Филомафитский и Загорский.

За что ни брался Даль, всё ему удавалось. В Дерпте он пристрастился к хирургии и, владея необыкновенной ловкостью в механических работах, скоро стал ловким оператором.

Весной 1828 года началась русско-турецкая война. Поступил приказ: послать на театр военных действий студентов-медиков, чтобы восполнить нехватку врачей на фронте. Владимир был казеннокоштным студентом, а потому не имел права выбора. В числе 12 студентов-медиков его собрались отправить на фронт. Однако, хотя Даль к этому времени еще не окончил полного курса медицинского факультета, но ему, как способнейшему студенту, дали возможность досрочно защитить диссертацию на степень доктора медицины. Владимир досрочно получил диплом врача и отправился на фронт, где был назначен ординатором в подвижной военной госпиталь во вторую действующую армию.

В послужном списке Даля значилось, что он отличился при взятии крепости Силистрии и Шумлы, вместе с русским войском перешел через Балканы и вновь отличился при взятии городов Сливно и Андрианополи. Прямо на поле боя Даль оперировал, перевязывал раны, вынимал пули. Он был хирург отменный, оперировал искусно и быстро. Кто-то из его товарищей сказал: «Ещё бы ему медленно оперировать, когда у него две правые руки». А суть в том, что левой рукой он работал как правой.

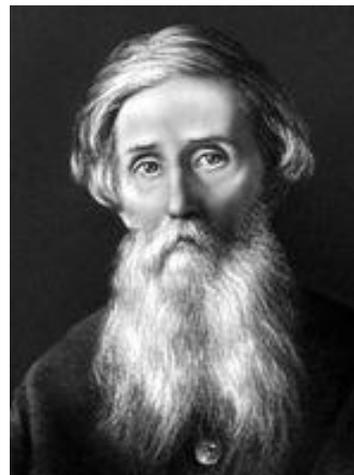
В последующем Даль трудился в качестве военного врача в Петербурге, заслужил славу отличного хирурга и офтальмолога. Представляет несомненный интерес одна из первых опубликованных (и первая, подписанная псевдонимом Казак Луганский) статей Даля «Слово медика к больным и здоровым», положения которой остаются актуальными и поныне. Основное внимание в статье обращается на необходимость правильного образа жизни: «Тот, кто в движении и не наедается досыта, реже нуждается в пособии врача».

В Петербурге Даль познакомился с Александром Пушкиным. Владимир считал Пушкина своим учителем. На протяжении жизни они встречались несколько раз. Они не были близкими друзьями, но с первой же встречи между ними мгновенно установилось глубокое взаимопонимание. За несколько дней до дуэли Александр Сергеевич был у Даля на квартире. Пушкин прибыл в новом сюртуке, который шуточно называл «выползиной». Ранее от Даля Пушкин узнал, что «выползина» – шкурка, которую ежегодно сбрасывает с себя змея. «Какова выползина! – сказал он, смеясь своим веселым звонким смехом. – Ну, из этой выползины, я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу!».

Пушкин действительно не снял с себя эту «выползину». Сюртук с него спорили, чтобы не причинять дополнительных мучений. О дуэли Пушкина Даль узнал лишь 28 января во втором часу пополудни и сразу же, без всякого приглашения, отправился на Мойку, на последнюю квартиру поэта. У постели Пушкина Даль провёл около суток. Пушкин держал Даля за руку и впервые обращался к нему на «ты», до этого они были на «вы».

Даль сидел у постели смертельно раненного Пушкина и старался облегчить его страдания. Один на один провёл он с умирающим Пушкиным последнюю его ночь, именно его просил Пушкин за несколько минут до кончины: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше!». Затем Пушкин приоткрыл глаза: «Мне было пригрезилось, что с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко – и голова закружилась...». К Далю были обращены и последние слова умирающего поэта: «Жизнь кончена...».

На память о Пушкине достались Далю перстень, который поэт называл талисманом, и простреленный черный сюртук, с небольшой дырочкой против правого паха – тот самый – выползина.

Владимир Даль анатомировал труп Пушкина после его смерти. Долгое время мучился мыслью о том, всё ли сделали врачи для спасения поэта. В конце концов, пришел к выводу, что рана была смертельная и Пушкину помочь было ничем нельзя. Позже Владимир Даль написал воспоминания о последних часах Пушкина.

Всероссийская известность к Владимиру Ивановичу Далю пришла, когда он выступил как писатель под псевдонимом Казак Луганский, как этнограф и лексикограф, и, в первую очередь, как автор «Толкового словаря живого великорусского языка», содержащего около 200 тысяч слов. За этот «Словарь» врач Владимир Даль удостоился Ломоносовской премии Академии Наук и звания почётного академика.

В Луганске, в доме, где жила семья Далеи, сейчас размещается дом-музей В.И. Даля (на фото). В экспозициях музея есть материалы, посвящённые родителям Владимира Ивановича. Толковый словарь В.И. Даля, в советское время (более 70 лет) не переиздававшийся, теперь вышел уже во многих изданиях, в т. ч. репринтных. Его можно купить в любом книжном магазине России. Владимир Даль не случайно назвал свой труд «Словарём *живого* великорусского языка». Современный русский язык продолжает жить и развиваться. Некоторые слова из Словаря получают новую жизнь, новый смысл; даже входят в молодёжный сленг. Примеры: «зажигать», «крутой».

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ